

V. Эссе

Леонид Люкс

Сомнительные сравнения: возвращается ли Европа в 1930-е годы?

«Что-то похожее витает в воздухе», – сказала недавно американский историк Энн Эпплбаум, сравнивая сегодняшний европейский кризис с кризисом 1930-х годов¹. К ней присоединяется и берлинский политолог Херфрид Мюнклер, который тоже видит много сходств между этими двумя периодами. Главная аналогия с точки зрения Мюнклера заключается в том, что и в 1930-е годы, и сегодня у господствующего в Европе политического порядка не оказалось, в сущности, никаких защитников².

Межвоенный кризис в глазах русских эмигрантов

Проводя такого рода сравнения Энн Эпплбаум, Херфрид Мюнклер и многие другие авторы не учитывают того факта, что разразившийся в 1930-е годы кризис европейской демократии был беспрецедентным явлением и достиг такой глубины, которая с сегодняшним кризисом сравниться не может. В чем же заключалась беспрецедентность кризиса 1930-х годов? Кризис этот назревал давно. Особенно чутко реагировали на него русские эмигранты, которые пережив «русский апокалипсис» понимали, что и Западу угрожает беспрецедентная катастрофа: «Нельзя отрицать, что и Европа чахнет и тлеет и не может затушить это подземное горение», – писал в 1924 году Семён Франк в книге *Крушение кумиров*³.

Еще интенсивнее занимался этим вопросом Георгий Федотов. Уже в апреле 1918 г. Федотов писал, что европейцы не могут себе позволить отказаться от России. Русская катастрофа рано или поздно отразится на Западе⁴. И в самом деле,

---

¹ Цит. по интервью с Эпплбаум: Cassidy A., Loser Ph. «I can imagine a lot of places where democracy ceases to exist» // Tagesanzeiger. 26. 12. 2016.

² Münkler H. Ordnung ohne Hüter // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 3 7. 2017.

³ Франк С.Л. Крушение кумиров // он же. Сочинения. М., 1990. С. 136.

⁴ Федотов Г.П. Лицо России: сборник статей (1918-1931). Париж, 1967. С. 7.

кризис русской демократии лишь на несколько лет опередил кризис демократии в западной части европейского континента.

Для плюралистических обществ Запада тоталитарные движения также стали представлять собой растущую угрозу. Эмигрировав из России в 1925 году, Федотов мог теперь в непосредственной близости наблюдать кризис европейской демократии, что его чрезвычайно беспокоило. К первым высказываниям Федотова на эту тему принадлежала статья «*Carmen saeculare*», опубликованная в эмигрантском журнале *Путь* в 1928 г. Название статьи отсылает к стихотворению Горация, которое поэт посвятил началу новой эпохи в истории Рима – правлению императора Августа.

Федотов также пытается распознать черты новой эпохи, начавшейся после «долгого XIX века». Хотя Федотов не использует *expressis verbis* понятие «долгий XIX век», продолжительность этого века для него, как и 60 лет спустя для Эрика Хобсбаума⁵, была определена так же: 1789-1914 годы: «XX contra XIX. Век двадцатый против девятнадцатого, которого даты: 1789-1914. Давно уже Европа не знала такой пропасти между отцами и детьми»⁶.

Что же видит Федотов, анализируя события недавно столь бурно начавшегося нового века? Что отличает его от прошедшего столетия? Новый дух времени восстал против изысканной эстетики XIX века, культурного многообразия и гуманистических ценностей, пишет Федотов. Им были противопоставлены сила воли и техническая эффективность, ценившиеся чрезвычайно высоко. В почете были борющиеся натуры, а не рефлексирующие мыслители. Какая же угроза для старой европейской культуры исходила от этих новых европейцев, – задает вопрос Федотов: «Не бестиализм ли утверждается на развалинах царства человечности?»⁷.

Другая тенденция также вызывает крайнюю озабоченность Федотова – тот факт, что современные европейцы все меньше ценят мир свободы: «Современный человек не нуждается в свободе. Он предает ее на каждом шагу: в политике, в общественной жизни, в религии. Для него свобода опороченное слово, символ дурного бессилия, буржуазной анархии»⁸. Итак, Федотов констатировал бегство европейцев от свободы за 13 лет до того, как это сделал Эрих Фромм в 1941 г. в своей знаменитой книге⁹.

Какие еще существенные черты нового века отмечал Федотов в своей написанной в 1928 г. работе? Это, прежде всего, тенденция к коллективизму. Если раньше каждый индивидуум стремился сохранить верность самому себе и, в то же время, входил в разные организации, чтобы удовлетворять свои различные потребности, то эта одновременная принадлежность сразу к нескольким органи-

⁵ Hobsbawm E. *Das Zeitalter der Extreme: Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts*. München, 1998.

⁶ Федотов. *Лицо России*. С. 198-199.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Fromm E. *Die Furcht vor der Freiheit*. München, 1993.

зациям теперь почти невозможна. Каждая организация требует от всякого индивидуума полной идентификации с ней, как со своим племенем, семьей или нацией. От каждого человека требуется верность и подчинение – солдатская дисциплина: «Только не сомневаться, не спускать глаз с забрезжившей точки, – и идти в ногу, сомкнуться строем, Да здравствует Ленин! Да здравствует Муссолини! Вождь выносятся коллективом, вынашивается масса, и когда родится, массы видят в нем сверхчеловека»¹⁰. Если учесть, что Федотов написал эти слова о новых тоталитарных тенденциях в Европе в 1928 году, когда такое развитие наблюдалось лишь в двух европейских странах – в России и Италии – его предсказание кажется еще более удивительным.

Федор Степун, который после изгнания его из Советской России в 1922 году поселился в Германии, так же, как и Федотов, уже в 1920-е годы заметил, с каким презрением многие европейцы относятся к демократии (здесь они, между прочим, не отличались от большинства русских эмигрантов). Степун непрерывно боролся с этой установкой в своих статьях и в эмигрантской и немецкой прессе. В одной из этих статей Степун писал: «Все утверждения, что демократия по своей сути чужда народу и безбожна, являются необоснованными... Ложно утверждение, что пафос демократии основан на защите количества и отрицании качества. Демократия, наделяя избирательным правом каждого отдельного гражданина, не отнимает и не убивает в нем ни одного из его личных качеств». Вывод Степуна гласил: «Я хорошо знаю, что сейчас совершенно безнадежно, тем более эмигранту, защищать идею демократии ... Но, может быть лишь то и стоит защищать, что большинство считает делом безнадежным»¹¹.

После мирового экономического кризиса 1929 г. все эти кризисные явления еще более углубились. Тот факт, что «первая» русская демократия, возникшая после свержения династии Романовых, не смогла справиться с большевистским вызовом, многие западные наблюдатели связывали с незрелостью русского общества к демократии, с его стремлением к новому патриархальному строю, который должен был заменить царскую монархию. Некоторые же эмигрантские мыслители были, в свою очередь, удивлены неспособностью западноевропейских демократий, например, Веймарской республики, дать отпор своим тоталитарным противникам – это несмотря на столетия правовой традиции, которая была укоренена в этой части Европы, в отличие от России.

Что их в этой связи потрясло, было не «стремление к власти» радикальных противников республики, а беспомощность демократов – не в последнюю очередь социал-демократов – которые были фундаментом немецкой системы, воздвигнутой в ноябре 1918 года: «Она [социал-демократия] пала так же бесславно, как монархия Николая II», – писал Федор Степун в 1933 году в своей статье «Германия проснулась», опубликованной в эмигрантском журнале *Новый Град*:

¹⁰ Федотов. Лицо России. С. 210.

¹¹ Stepun F. Die Mission der Demokratie in Rußland // Hochland. 1926. Vol. 23. P. 429-430, 433.

«Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массами очень высокого культурного уровня, опытная в делах государственного управления и гордая своими спортивно-боевыми организациями, немецкая социал-демократия сдалась на милость победителя, не только не успев поднять вооруженной руки, но не успев даже громко крикнуть о своей гибели»¹².

Это поражение СДПГ Степун объясняет тем, что ей «не хватало воли к борьбе и веры в свою собственную победу». Не иначе обстояли дела и с другими демократическими группировками в Германии, не в последнюю очередь с католическим Центром, – добавляет Степун. Одновременно он предостерегает от идеализации национал-социалистического «обновления», к которому склонялись некоторые эмигрантские группировки, говорившие о начале новой «органичной» эпохи по примеру европейского средневековья: «Победа национал-социализма является не шагом к новому средневековью, а прыжком в некое новое варварство», – говорит Степун¹³.

Федотов считал, в свою очередь, крайне тревожным тот факт, что падение Германии в тоталитарную пропасть не разбудило остальные европейские демократии. Свою статью, которая вышла в том же номере *Нового Града*, в котором была опубликована статья Степуна «Германия проснулась», Федотов назвал «Демократия спит»: «Вот уже третье предостережение», – пишет Федотов – «Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы». Однако наводнение все больше приближается и также угрожает еще уцелевшему западу континента¹⁴.

Германскую катастрофу 1933 года Федотов, также как и Степун, объясняет, прежде всего, не мощью радикальных противников немецкой демократии, а безволием самих демократов. Федотова особенно беспокоил факт, что бессилие демократии – это не только немецкое или итальянское, а общеевропейское явление: «Демократия нигде не умела защищать себя: она погибает почти без сопротивления... В политике слабость не только несчастье, но и порок. Не умея защитить себя, власть тем более не в силах осуществлять ответственных решений, вести народ к творчеству новой жизни»¹⁵.

Когда Федотов писал эти слова, в Европе существовали разного рода умиротворители, считавшие, что не следует преувеличивать значение перелома 1933 года. Консервативные союзники нацистской партии были уверены, что им удаст-

---

¹² Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 482. Здесь Степун немного ошибается. Он не учитывает того факта, что СДПГ все-таки успела «громко крикнуть о своей гибели», голосуя 23-го марта 1933 года как единственная партия в берлинском рейхстаге против «Закона о полномочиях», освобождавшего гитлеровское правительство, в сущности, от парламентского контроля.

¹³ Там же. С. 486.

¹⁴ Федотов Г.П. Тяжба о России (статьи 1933-1936). Париж, 1982. С. 103, 112-113.

¹⁵ Он же. Россия, Европа и мы. Париж, 1973. С. 147-148.

ся приручить Гитлера: «Через два месяца мы задвинем Гитлера в угол», – сказал тогда Франц фон Папен – консервативный союзник Гитлера¹⁶.

Федотов был гораздо более дальновидным. Ему было ясно, что Германия отныне вошла в совершенно новую историческую эпоху: «В другой век. В другую историю – древнюю, среднюю или ультра-современную? Во всяком случае, в тот век, где меряют достоинство человека чистотой крови, ... где жгут ведьм и еретиков. Костров еще нет – для людей (пока репетируют на книгах), но до них осталось недолго ждать. Большая часть пути уже пройдена. От гуманизма осталось так мало, что восстановление квалифицированных казней, право, ничего не изменит в облике торжествующего бестиализма»¹⁷. Эрозию европейской демократии Федотов связывает не в последнюю очередь с тем, что демократическая идея, за которую в прежние времена многие шли на баррикады, теперь едва ли кого вдохновляет: «Отсутствие идей, отсутствие воли, отсутствие людей – такова формула кризиса демократии, вскрывающая не порочность учреждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры»¹⁸.

В своем диагнозе 1933-1934 годов Федотов предвосхитил развитие ближайших нескольких лет. Вскоре стало очевидно нежелание западных демократий поставить правоэкстремистские режимы на место, что позволило последним безнаказанно совершать один акт агрессии за другим. Политика невмешательства, проводимая западными державами, подтвердила тезис Федотова, что в политике слабость не только несчастье, но и порок.

Повторяется ли история?

Слабость, выказанная в то время западными демократиями, отнюдь не являлась проявлением действия неизбежного, квази физического закона. Это был результат сознательного решения ведущих политических кругов Франции и Великобритании, которые в основном сами хотели быть обманутыми авантюристом из Берлина: они принимали на веру его миролюбивые заверения, когда он обставлял ими свои очередные претензии. Когда Невилл Чемберлен и Эдуард Даладьё в Мюнхене предали самого верного союзника Запада в Восточной Европе – Чехословакию, – они сделали это, чтобы, как они утверждали, обеспечить мир для будущих поколений («Peace for our time»). Этим решением, чрезвычайно сомнительным с этической точки зрения, они уступили стремлению людей, которыми они управляли, к миру – они непременно хотели плыть по течению. Английский историк Люис Немьер (Lewis Namier) дал состоянию, в котором тогда находи-

---

¹⁶ Thamer H.-U. *Verführung und Gewalt: Deutschland 1933-1945*. Berlin, 1986. P. 232.

¹⁷ Федотов. Тяжба. С. 103.

¹⁸ Там же. С. 113.

лась Европа, не в последнюю очередь из-за умиротворительной политики западных демократий по отношению к правоэкстремистским режимам, определение: «Europe in Decay».

Можно ли сегодняшний кризис европейской демократии сравнить с кризисом 1930-х годов, как это делают упомянутые в начале этой статьи Энн Эшплбаум, Херфрид Мюнклер и многие другие авторы? Вряд ли. Конечно, не подлежит сомнению, что европейская идея находится сейчас, особенно после выхода Великобритании из ЕС, в довольно плачевном состоянии, особенно, если сравнить сегодняшнее положение «старого» континента с эйфорическими ожиданиями в связи с преодолением европейского раскола в 1989-1991 гг.

Но о той глубине падения, которого достигла европейская демократия в 1930-е годы, например, во времена мюнхенской конференции, не может быть и речи. Также опасности, которые угрожают «открытому обществу» в сегодняшней Европе, не могут идти ни в какое сравнение с теми угрозами, которые в 1930-х годах подрывали фундаменты существующего европейского порядка. Те авторы, которые проводят аналогии между сегодняшними правыми популистами, ставящими под вопрос европейскую идею и правоэкстремистскими движениями 1930-х годов, не учитывают следующего: фашизм, и в еще большей степени национал-социализм, были тоталитарными движениями, стремящимися к созданию совершенно нового, небывалого европейского порядка, к революции, которая в некоторых аспектах была еще более радикальной, чем большевистская. Немецкий историк Эрнст Нольте, которого никак нельзя заподозрить в прокоммунистических симпатиях, писал в 1966 году: «Картина [национал-социалистического] "нового порядка" позволяет ясно увидеть проявляющиеся контуры... великой германской империи, имеющей гораздо меньше общего с многообразной действительностью европейского мира, чем даже мечта Ленина о Европе, объединенной в союз советских республик»¹⁹.

Кроме того, для национал-социализма было характерно стремление к неограниченной экспансии, к завоевыванию так называемого «жизненного пространства» и к мировому господству. Нольте писал в 1966 году, что Гитлер действовал «будучи убежден в наличии ... неповторимой в истории возможности уничтожить русскую революцию при сочувственном отношении к этому со стороны (европейской) буржуазии и тем самым создать для ... Германии совершенно новое геополитическое положение, гарантирующее ее территориальное будущее»²⁰.

Это стремление фашистов, а особенно национал-социалистов к неограниченной экспансии и к созданию совершенно нового европейского порядка имеет мало общего с политической программой сегодняшних европейских популистов, мечтающих не о «новом», а о «старом» европейском порядке, когда националь-

---

¹⁹ Nolte E. Die faschistischen Bewegungen: Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung des Faschismus. München, 1979. P. 187.

²⁰ Ibid. P. 58.

ное государство считалось «венцом творения» и не отказывалось от ряда своих суверенных прав в пользу европейских институций. Кроме того, они стремятся не к безграничной экспансии, как национал-социалисты, а к изоляции «старого» континента, который они хотят превратить в крепость, непреодолимую для потоков мигрантов, стремящихся в Европу.

Существуют ли аналогии между сегодняшней Россией и правыми режимами в межвоенной Европе?

А как здесь быть с путинской «управляемой демократией», которую некоторые авторы сравнивают с правоэкстремистскими режимами 1930-х годов, проводя, например, аналогии между присоединением Крыма к Российской Федерации в марте 2014 и аннексией Австрии и Судетской области Третьим рейхом в 1938 году? Приверженцы такого рода аналогий не учитывают того факта, что «аншлюс» Австрии и Судетов для Третьего рейха был всего лишь промежуточным этапом в его стремлении к неограниченной экспансии и к мировому господству. 5 ноября 1937 в беседе с ведущими германскими политиками и военными, запроотоколированной полковником Хосбахом, Гитлер объявил о своем «неизменном намерении ... решить вопрос о германском жизненном пространстве не позже 1943-1945 годов... Достичь этой цели возможно лишь с помощью силы», – добавил он²¹.

Как подчеркивают многие знатоки Третьего рейха, Гитлер находился в постоянном цейтноте, т.к. свои конечные внешнеполитические цели, включавшие принципиальный передел мира и построение нового мирового порядка, опирающегося на расовые основы, он собирался осуществить обязательно при жизни. Коммунисты тоже мечтали о радикальном изменении мирового порядка, но не устанавливали для этого никаких конкретных сроков. Будучи историческими детерминистами, коммунисты были убеждены, что победа коммунизма в масштабах всего мира неизбежна. Чтобы победить, им необязательно было ставить на карту все.

С Гитлером дело обстояло иначе. Он считал себя единственным политиком, способным на осуществление своих, как он считал, «грандиозных» задач, и не верил в достойных последователей, способных продолжить его дело. Франк-Лотар Кроль, проанализировавший представления Гитлера об истории, пишет о его мышлении в категориях «последней борьбы», имея в виду представление нацистского диктатора о том, что он должен «вести последнюю битву между арийской и иудейской расами, битву до победного конца»: «Так или иначе, конец предыдущей истории должен быть достигнут, и он представлялся Гитлеру не как

---

²¹ Thamer. *Verführung und Gewalt*. P. 560.

некая абстрактная возможность в туманном будущем. Завершение борьбы и конец истории относились к самому непосредственному будущему, достичь их, во всяком случае, необходимо было при жизни (нацистского вождя)»²². Такое мышление в категориях «последней борьбы» или «конца истории», несмотря на аннексию Крыма и массивную поддержку сепаратистов в Восточной Украине, мало характерно для правящего истеблишмента «путинской системы»²³.

Совершенно по-другому обстоят дела в полуофициальном и неофициальном дискурсе в России. Здесь еще до прихода Путина к власти праворадикальные идеи получили крайне тревожное распространение²⁴. Уже в заключительной фазе перестройки, но прежде всего после распада СССР через разные каналы в Россию устремились запрещенные в советское время правозэкстремистские идеи. Председатель Московского антифашистского центра Евгений Прошечкин еще в 1994 году говорил о внезапном пугающем переломе, произошедшем в сознании общества²⁵.

Особенно большой вклад в распространение праворадикальных идей в России внес публицист Александр Дугин, который среди прочего пытался популяризировать в своем журнале *Элементы*, выпускавшемся с 1992 по 1998 год, тексты современных западных ультраправых, но прежде всего немецких воинствующих противников Веймарской демократии. Издатели *Элементов* ни в коем случае не хотели мириться с победой их заклятого либерального врага и призывали к реваншу. Кампания реванша, направленная прежде всего против США, должна была отплатить за поражения всех противников Запада.

Эти реваншистские фантазии Дугин конкретизировал в своей книге *Основы геополитики*, опубликованной в 1997 году, которую можно назвать «учебником ненависти». В ней он призывал Россию к последней битве против победителей Холодной войны. Восстановление прежних границ Российской Империи представляет собой для Дугина, иначе чем для многих других имперских ностальгиков в России, только первую ступень его стратегического плана. Поскольку истинной целью восстановленной империи должна быть битва за мировое господство: «Новая Империя должна быть евразийской, великоконтинентальной, а в

---

²² Kroll F.-L. Geschichte und Politik im Weltbild Hitlers // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. № 3. P. 337.

²³ См. на эту тему: Умланд А. Является ли путинский режим фашистским? // Гефтер. 7 мая 2018; Люкс Л. Сомнительные параллели: авторитарная Россия не является фашистской // Гефтер. 11 мая 2018; Laruelle M. Is Russia Really «Fascist»? A Comment on Timothy Snyder // PONARS Eurasia. 10 September 2018.

²⁴ См.: Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (1-12) // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 1. С. 5-218 и № 2. С. 5-174; 2010. № 1. С. 5-148 и № 2. С. 7-186; 2011. № 1. С. 7-158 и № 2. С. 7-156; 2012. № 1. С. 7-142 и № 2. С. 7-176; 2013. № 2. С. 233-360; 2015. № 1. С. 141-342 и № 2. С. 75-182; 2018. №№ 1-2. С. 7-146.

²⁵ Прошечкин Е. Респектабельность фашизма // Москва-Иерусалим. 1994. № 4.

перспективе - Мировой [так в тексте оригинала – Л. Л.]. Битва за мировое господство русских не закончилась»²⁶.

Когда в конце 2013 – начале 2014 г. вследствие Евромайдана углубился русско-украинский конфликт, казалось, что развивается он по сценарию, созданному Дугиным еще в 1997 г. в уже упомянутой книге *Основы геополитики*. В ней он писал следующее: «Существование Украины в нынешних границах и с нынешним статусом "суверенного государства" тождественно нанесению чудовищного удара по геополитической безопасности России ... Дальнейшее существование унитарной Украины недопустимо»²⁷. Кажущееся соответствие между броскими лозунгами Дугина и реальной политикой Москвы как в Крыму, так и на Юго-Востоке Украины привело к тому, что некоторые авторы рассматривали Дугина как закулисного идеологического вдохновителя российской внешней политики. Именно с таких позиций аргументировали авторы статьи «Putin's Brain», появившейся в марте 2014 года на сайте влиятельного американского журнала *Foreign Affairs*²⁸. Однако сценарии «последнего боя» в стиле Дугина не определяют действия нынешнего российского руководства. Оно, конечно, не может смириться с распадом Советского Союза, который Путин назвал в апреле 2005 года «крупнейшей геополитической катастрофой 20-го века». Но к мировому господству, к которому подталкивает Дугин, оно не стремится²⁹.

Почему же Кремль решился тогда на такой рискованный шаг, как аннексия Крыма, спровоцировавший немалую часть мирового сообщества, и это несмотря на то, что правительство Российской Федерации в Будапештском меморандуме 1994 г. и в разных других договорах гарантировало неприкосновенность границ Украины? Связано ли это было с чрезвычайно обостренным чувством солидарности Кремля с русскоязычными соотечественниками, проживающими в Украине? Вряд ли.

Главным мотивом действий российского руководства был, по всей вероятности, страх перед эмансипаторским воздействием Евромайдана на Россию, да и на все постсоветское пространство. Ведь уже первый Майдан – Оранжевая революция 2004 года – чрезвычайно испугал Кремль. Такое же развитие, как в Украине, родственно близкой России в языковом и культурном отношении (Западная Украина – это особый случай), вполне можно было представить и в России. Из-за этих страхов в российских средствах массовой информации началась кампания по дискредитации «цветных революций» на постсоветском пространстве. Революции эти расценивались московскими политтехнологами не как спонтанные

---

²⁶ Дугин А. Основы геополитики: геополитическое будущее России. М., 1997. С. 213.

²⁷ Там же. С. 379.

²⁸ Barbashin A., Thoburn H. Putin's Brain: Alexander Dugin and the Philosophy behind Putin's Invasion of Crimea // *Foreign Affairs*. 31 March 2014.

²⁹ См. Shekhovtsov A. Putin's Brain? // *New Eastern Europe*. 2014. № 4. P. 72-79; Umland A. Das eurasische Reich Dugins und Putins: Ähnlichkeiten und Unterschiede // *Kritiknetz: Zeitschrift für Kritische Theorie der Gesellschaft*. 26. 6. 2014.

общественные выступления, а как управляемые извне попытки Запада подорвать влияние России в так называемом «ближнем зарубежье».

Еще в начале века расширение ЕС на Восток не рассматривалось Москвой как серьезная опасность. В середине 2004 года это развитие еще оценивалось Путиным как процесс, который должен сблизить Россию и ЕС не только географически, но также экономически и духовно. И только после перелома 2004/2005 годов антизападная риторика Москвы стала приобретать новое измерение. Это, несомненно, обусловлено приматом внутренней политики, которым руководствуется политическая элита путинской «управляемой демократии». Многие говорят в пользу того, что не западные армии, не танки НАТО, а западные идеи вызывают в Кремле сильнейшие страхи. Именно эти идеи могут создать для путинской системы гораздо больше проблем, чем это и без того уже делают экономические санкции Запада.

Но вернемся к Александру Дугину и к его стратегии «неоимперского реванша». Дугин различными способами пытается повлиять на российский истеблишмент и добивается при этом во многих случаях успеха. Так, например, научным консультантом дугинских *Основ геополитики* стал начальник кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба России генерал-лейтенант Николай Клокотов. Этот апофеоз стратегии реванша был даже возведен издателями книги в ранг «незаменимого справочника для всех тех, кто принимает решения в важнейших сферах российской политической жизни»³⁰.

Какое-то время Дугин работал советником Геннадия Селезнева, с 1998 по 2003 год исполнявшего обязанности спикера Государственной Думы. Основанное Дугиным в 2003 году Международное «Евразийское движение» официально поддерживается рядом известных политиков³¹. С 2008 по 2014 год Дугин был даже руководителем тогда созданного Центра консервативных исследований на Социологическом факультете МГУ. Кроме того, Дугин уже многие годы беспрепятственно пропагандирует свои идеи в российских государственных СМИ, что тоже не может не вызывать озабоченности. Однако вместе с тем необходимо подчеркнуть, что несмотря на эти тревожные тенденции Дугин до сих пор не сумел достичь желанного для него места главного идеолога путинской «управляемой демократии». Его идеология «последнего боя», напоминающая прежние праворадикальные сценарии «Гибели богов», не является официальной программой правительства РФ.

---

³⁰ См. раздел «От издателя» книги *Основы геополитики*.

³¹ См. Wiederkehr S. Die eurasische Bewegung: Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. Köln, 2007. P. 227-228; Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Baltimore, 2008. P. 107-114; Umland A. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Einfluss auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Russland: Der Fall Aleksandr Dugin // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2006. № 1. P. 131-143.